

СѢТЫЙ ПРѢПО

ГЛАВНІЛЪ

Через скорби к святости

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ПРЕПОДОБНОГО ГАВРИИЛА (ЗЫРЯНОВА)

В сонме местночтимых святых Казанской епархии есть подвижник, чья жизнь, полная неустанной молитвы и богообщения, — яркий пример исполнения главной Божией заповеди. Это преподобный Гавриил (Зырянов), или Гавриил Седмиезерный, подвизавшийся в Седмиезерной пустыни последнюю треть своей жизни. За смирение, терпение гонений и болезней, искреннее доверие к Богу он удостоился от Господа бесценных даров любви, прозорливости и исцеления. Он воспитал большое число духовных чад, многие из которых причислены ныне к лику святых.

Отчий дом

Среди жизнеописаний преподобного Гавриила самое первое было составлено его духовным чадом архимандритом Симеоном (Холмогоровым, † 1937)¹. Эта книга, где по крупницам собран опыт богопознания человека, в какой-то степени может быть наставлением на пути к спасению. Она рассказывает не только о примерах духовного наставничества Оптиных старцев, но и о пути к святости человеческой души, с детства стремящейся постигнуть, что есть любовь человека к Богу и Божия любовь к своему созданию.

Жизнь преподобного Гавриила можно разделить на нескольких этапов: детство в отчем доме, школа монашества в Оптиной пустыни, где его учителями стали старцы иеросхимонахи Амвросий и Иларион. Затем жизнь еще в пяти монастырях, последним из которых стала Спасо-Елеазарова пустынь, где после многочисленных скорбей и болезней во всей полноте раскрылся опыт старчества преподобного Гавриила. Но самое удивительное, что память о его святой жизни, оставаясь семьдесят лет «под спудом» безбожной идеологии, сохранилась в сердцах духовных чад и передавалась из уст в уста, чтобы прославить его имя в Соборе Казанских святых в 1996 году.

Старец Гавриил (Зырянов)

*Старец Гавриил
(Зырянов)
с братией*

Преподобный Гавриил родился в 1844 году в благочестивой православной крестьянской семье и сам освоил грамоту по Псалтири. Божия благодать осенила его еще в детстве, когда четырехлетний ребенок, побывав первый раз на пасхальной утрени, захотел вновь пережить возвышенное духовное состояние. Уединившись в подклети, он стал вспоминать все подробности утрени и в чудесном видении за окном увидел Божественный свет и услышал голос: «Ты — Мой!» «Чей это?» — переспросил Ганя и услышал в ответ: «Божий!» Его детская вера и молитва были настолько искренними, что он не испытывал никакого смущения и сомнений, обращаясь за помощью к святым угодникам Божиим.

Решив развлечься в Великий пост катанием с горы, он поранил ногу. В ответ на его слезное покаяние и молитвы к праведному Симеону Верхотурскому ему во сне явился этот святой и исцелил его. По словам биографа, таким же чистым и целомудренным осталось в юности его сердце, так что «соблазны мира и плоти» все не интересовали его. Наоборот: все в жизни он воспринимал или как творение Божие, или

совершающееся по воле Божией, или попускаемое Богом».

Проявления искренней веры иногда казались его отцу глупостью, вызвали непонимание и гнев. Так, в селе Фролово, где жили Зыряновы, буря однажды уничтожила ожидаемый богатый урожай. Все село было в отчаянии. Сеять новый хлеб было поздно, и тогда крестьяне решили скосить побитые и поваленные колосья на солому, чтобы как-то окупить расходы. В глубоком потрясении пребывала и семья Зыряновых. А юный Ганя пришел на поляну, где обычно молился, и, весь уйдя в молитву, вдруг услышал ответ, который можно было принять за раскат грома: «Будет пшеница!»

Воодушевленный Ганя упросил отца дожидаться созревания побитой пшеницы и не скашивать ее на солому, как другие. Нельзя назвать Федора Зырянова маловером, но по его реакции можно судить, каким горем, затмившим веру, было переполнено его сердце: «Ну, смотри у меня, пророк! Шкуру сдеру, коли пшеницы не будет!» Однако урожай был такой, что пришлось приглашать на помощь односельчан, и зерно едва уместилось в амбаре.

Эта история имеет свое продолжение и сегодня. Хотя деревни Фролово уже не существует, почитатели старца установили на месте дома Зыряновых² поклонный крест с надписью: «Преподобный отче Гаврииле, моли Бога о нас». А православные верующие окресты (в частности, из Покровского, из села Байкалово (в 25 километрах от Фролово), деревни Бобровское, села Туринская Слобода) в дни памяти старца — 30 июля и 7 октября — приезжают сюда, читают акафист преподобному Гавриилу и служат молебны. За крестом присматривает благочестивая семья из села Бобровского — там нет храма, и его жители собираются здесь на молитву.

Настоятель Покровского храма села Байкалово протоиерей Евгений Косенков рассказывает, что, если случается засуха или, наоборот, дождливое лето, местные фермеры часто обращаются к нему с просьбами помолиться преподобному Гавриилу об урожае. И хотя случаи чудесной помощи не фиксируются, по отзывам людей, преподобный старец помогает и в других нуждах, поэтому тропинка к кресту не зарастает.

Оптина пустынь — школа монашества

Жизнь преподобного Гавриила в Оптиной пустыни стала для него настоящей школой монашества. Он усвоил советы старцев в борьбе с помыслами. В частности, отец Исаакий объяснял, что помыслы можно назвать домашними врагами подвижника. Их нужно открывать старцу: «Какие движения, где они заседают, как с ними поступать лучше — с этой поганой ратью. А старец, как опытный генерал, и научит тебя, как и чем удалить от себя этих врагов и чем хотя бы ослабить силу их... Сам собой (ослабить их) не сможешь никогда, потому что бес опытней в этих искушениях, чем обычный человек».

Исповедь помыслов старцам была обычной практикой в монастыре. С таким же доверием, с каким Ганя привык открывать свои душевные переживания родителям, он относился и к духовным наставникам. Ему, человеку с чистой душой, ничто не мешало открывать свое сердце. В монашеской жизни в Оптиной главенствовала любовь, которую излучали старцы. И, радуясь тому, что это отвечает его внутренним духовным поискам, послушник Гавриил стре-

мился подражать своим наставникам, проявляя любовь и в отношении к братии, и к послушаниям, какими бы тяжелыми они ни были, и к богослужениям, и к молитве.

«Да, мы чувствовали себя там, как в среде святых, и ходили со страхом, как по земле святой... Я присматривался ко всем и видел: хотя были разные степени, но все они по духу были равны между собой; никто не был ни больше, ни меньше, а были все — одно: одна душа и одна воля — в Боге. Источник — Бог, а проводником, объединяющим и направляющим все силы братства, был Старец. И этот евангельский "квас" любви Христовой заквашивал все "тесто" их», — вспоминал отец Гавриил.

Ради стяжания этой любви он не жалел своих сил: старался не пропускать богослужения, не покладая сил трудился в хлебной, в просфорне, исполнял послушание звонаря, терпеливо преодолевал болезни и бытовые неудобства, не замечая насмешек, осваивал новое ремесло (в частности, поварское) и добивался в этом лучших результатов. В этой школе монашества послушнику Гавриилу становилось понятно, что «во всяком деле нужна помощь Божия, и там, где она приходила, было все ясно, просто, светло и радостно. Где же нет благословения и помощи Божией, там какой-то духовный тупик, сплошная безвыходность и умирание духа».

Случилось так, что Гавриил однажды сильно простудился на колокольне и заболел лихорадкой. Болезнь мучила его пять лет и не только истощила физически, но и стала сопровождаться мыслями уйти из обители. «Это тебе за то, что ты оставил престарелых родителей, — нашептывал ему лукавый, — согрешил и сам стал обузой для других». К счастью, у Гавриила хватило силы духа рассказать об этих переживаниях старцу Амвросию.

И здесь мы видим удивительный пример мудрости старца, который объяснил молодому послушнику, что такие мысли могут проникать в сознание через «лазейку», оставленную для них всего лишь одним забытым и неисповеданным грехом. И невольно удивляешься еще раз, как тонко устроен мир человеческой души, как сложно разобраться в нем самому на духовном пути без руководства мудрого наставника.

Старец Амвросий благословил Ганю потрудиться на монастырском рыбном хозяйстве

(в пятидесяти верстах от Оптиной), где тот чудесным образом навсегда исцелился от своей лихорадки. И хотя местные жители неоднократно пытались известить молодого монаха, Господь всегда был рядом с ним и избавлял от всех напастей. Послушник Гавриил десять лет провел в Оптиной пустыни, но по необъяснимым причинам так и не был пострижен в монашество. Однако сердце его желало пострига, и с этой мыслью он ушел из Оптиной в Москву, в Высоко-Петровский монастырь, с настоятелем которого архимандритом Григорием (Воиновым) был уже давно знаком.

В Москве

Живя под благодатным молитвенным покровом святых Оптинских старцев, Гавриил и не подозревал об искушениях в других монастырях. Казалось, в Высоко-Петровском монастыре поначалу все складывалось как нельзя лучше — место певчего на правом клиросе, добрый веселый нрав, прямотушие и любовь ко всем, талантливое управление монастырским хозяйством, что позволило значительно материально улучшить жизнь насельников и избавить обитель от долгов. Это должно было принести ему уважение всей братии, но, наоборот, вызвало зависть, вражду, раздражение и страх.

Доброму и доверчивому игумену Григорию приходилось часто выслушивать несправед-

ливые наговоры и доносы на отца Гавриила. И хотя все проверки его деятельности не выявляли никаких нарушений, они доставляли отцу Гавриилу много огорчений и переживаний. В конце концов он перестал даже оправдываться перед настоятелем, а только молился Божией Матерью и читал Ей молебный канон: «Многими содержимъ напастями...» И случилось чудо. Завистников и интриганов вдруг стала мучить совесть, так что они сами признались в своих неблагоприятных поступках в отношении отца Гавриила. Любопытно, что причины зависти, клеветы, беспочвенных наговоров в разных монастырях (в Богоявленском в Москве, в Раифском в Казанской епархии, в Седмиезерной пустыни) по сути оставались те же самые: одним не нравился его предпринимательский талант, другим не давал покоя красивый и сильный тенор, третьим — что его хвалят и его материальный успех, хотя часто он раздавал весь доход нищим, а кто-то видел в нем конкурента на место эконома или настоятеля. Все эти мутные потоки душ человеческих в конце концов заставляли отца Гавриила искать новое пристанище.

Однако почему он терпел все это, подвизаясь целых пять лет (с 1875 по 1880 год) в Высоко-Петровском монастыре? По мнению его биографа, отец Гавриил считал, что искушения — неизбежная часть монашеской стези, а исправить дело может только энергия любви.

Старец Гавриил с учениками из выпускников Казанской духовной академии. Сидят слева направо: архимандрит Амвросий (Полянский), епископ Феодор (Поздеевский), схиархимандрит Гавриил (Зырянов), епископ Иннокентий (Ястребов), иеромонах Иувеналий (Масловский). Стоят слева направо: иеромонах Серафим (Лукьянов), иеромонах Герман (Ряшенцев), архимандрит Симеон (Холмогоров), архиепископ Гурий (Степанов). Фото сделано, скорее всего, в Седмиезерной пустыни до 1905 г.

«Необходимо иметь любовь, и зло упразднится!» — говорил он. Поэтому снискать в себе эту любовь, несмотря ни на что исполняя Христовы заповеди, было главной целью в жизни.

Седмиезерная пустынь

В Седмиезерной пустыни старец подвизался почти треть своей жизни, поначалу совмещая должности духовника и благочинного монастыря. Участвовал в крестных ходах с главной святыней монастыря — чудотворной Седмиезерной иконой Божией Матери (см. справку). «Где проходил чудотворный образ Богоматери, там оставалась полоса молитвенной теплоты, покаяния, утешения, благодатного подъема духа», — пишет биограф старца и рассказывает о случаях чудесных исцелений по молитвам к Пречистой Деве. А после того, как в 1900 году отец Гавриил построил на пожертвования благодетелей храм во имя преподобного Евфимия Великого³ и Тихона Задонского, архиепископ Казанский Арсений (Брянцев) назначил его наместником монастыря, возведя в сан архимандрита. Внешне этот период для Седмиезерной пустыни ознаменовался упорядочением ее жизни и дисциплины, организацией по последнему слову техники монастырского сельскохозяйственного производства и разнообразных ремесленных мастерских, устройством пасеки и т. д. Однако у старца была и другая, скрытая жизнь, о которой до поры никто не знал. Богом ему была попущена тяжелая, мучительная болезнь (ожог пищевода и желудка уксусной эссенцией), длившаяся пять лет. Такая, что старец не раз чувствовал себя лежащим на смертном одре. Он даже принял великую схиму, став схииеромонахом с именем Гавриил. Но в этом тяжелейшем испытании отец Гавриил получил ответы на свои главные духовные вопросы, которые через годы помогли ему в руководстве многочисленными духовными чадами.

Казалось бы, за одно только терпение всех испытаний и скорбей, смирение и любовь к своим врагам, самоотверженный труд на благо братии и непреклонность в духовном делании отец Гавриил мог довольствоваться теми дарами и благодатью, что наградил его Господь: даром различения духов, мудростью рассуждения, прозорливостью, утешением являвшихся ему в снах святых угодников Божиих.

Но этого ему было мало. Он желал больше и хотел во всей полноте, на которую только способно человеческое сердце, испытать любовь к Богу, впоследствии называя это чувство Боголюбием.

Мучения на болезненном одре, соединенные с постоянным покаянием и частым Причастием, умертвили страсти, очистили душу старца, сделав ее настолько восприимчивой, что ей стали доступны неведомые ранее духовные переживания и открытия. Тело болело, страдало, умирало; дух же горел любовью к Богу, и эта любовь творчески оживляла и самоё тело, питая ум и поддерживая свет рассуждений в нем, пишет биограф.

«Чем более я страдал, тем легче я себя чувствовал. Я ощущал сильную потребность причащаться — и меня причащали. По причащении Святых Таин мой дух окрылялся неизреченной надеждой на Бога, а сердце переполнялось благодарностью ко Господу Иисусу Христу», — вспоминал отец Гавриил. И Бог услышал его. Однажды ему открылась во всей ее сути любовь Божия к миру ради искупления человеческого рода.

«Эта любовь заговорила как бы во мне, внутри всего моего существа, с такой силой ко Господу, что я не чувствовал и своих страданий. Я не мог оторваться ни мыслями, ни чувствами сердца от любви ко Господу. Воспоминания о всей Его земной жизни, о всех явлениях и действиях на земле производили во мне радостный трепет, обновляли внутреннее (состояние) моей души и сердца. Сердце было полно надеждой

Мужской монастырь Седмиезерная Богородичная пустынь. Храм во имя преподобного Евфимия Великого и Тихона Задонского

спасения. Ничто не могло дать повода к отчаянию в милосердии Божиим. Господь был близ, душа жила Им, чувствовала только Его безграничную любовь... Я не чувствовал потребности в пище; тяготился, когда меня посещали другие. Я блаженствовал, уязвленный любовью ко Господу, желал остаться хотя бы навечно один и страдать — но только с Господом и в любви к Нему... Вот что такое Боголюбие и вот что оно делает с душой человека!» — вспоминал старец.

На одре болезни старец сподобился видения Небесной Евхаристии, после чего не мог без слез произносить слов: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся». «Не могу видеть пречистого Тела Христова, обогрванного кровью. Ведь это — за нас все! И чувствуются — прямо-таки чувствуются страдания Христовы и любовь-то Его безмерная. Вот и не могу не

плакать, хоть и удерживаю себя», — старался он объяснить свое состояние и все время просил прощения за этот плач.

Как молитвенник и подвижник, отец Гавриил стал известен в Казанской епархии еще во время своего пребывания в Седмиезерной пустыни. Помимо братии, желавшей иметь его своим духовником, к нему приходили за советом самые разные люди, в том числе и студенты Казанской духовной академии, в большинстве своем монахи. Они очень нуждались в опытном духовном наставнике — мудром, простом, открытом и жизнелюбивом. А тем духовным чадам, с кем его разделяли расстояния, он часто писал глубоко назидательные письма, которые всегда производили неотразимое впечатление духовной силы, глубины мысли и чувства, какой-то особой духовной свежести, так что многие не могли читать их без умиления, пишет биограф.

Когда старец окончательно поправился от болезни, правящий архиерей назначил его настоятелем Седмиезерной пустыни. Однако, несмотря на то, что отец Гавриил благодаря своей хозяйственной жилке сделал из нее процветающую обитель, здесь тоже нашлись недовольные. «На их тайные доносы казанским архиепископам (а при старце их было четыре) он не мог отвечать политикой незаметного удаления неугодных лиц, а предался подвигу терпения всех их происков, охраняя общее настроение остальной братии. Он предоставил Богу вразумить недовольных, ибо его слова уже не действовали на них, а сам мирно обращался с каждым из своих врагов, помогал и благотворил им и ничем не умалял и не отличал их от прочих. Все были равны для его сердца», — пишет биограф.

Поток жалоб и клеветы к очередному архиерею наконец возымел свое действие, были назначены проверки, и в итоге отца Гавриила отстранили от управления монастырем. Для старца это был настоящий удар, учитывая, что у него было слабое сердце. И только упование на Господа помогало сохранить самообладание и наполняло сердце такой радостью и тишиной, о которых он и потом вспоминал с большим умилением и благодарностью Богу.

Через некоторое время он подал прошение, которое было удовлетворено, и старец выбрал новым местом жительства и служения мужскую

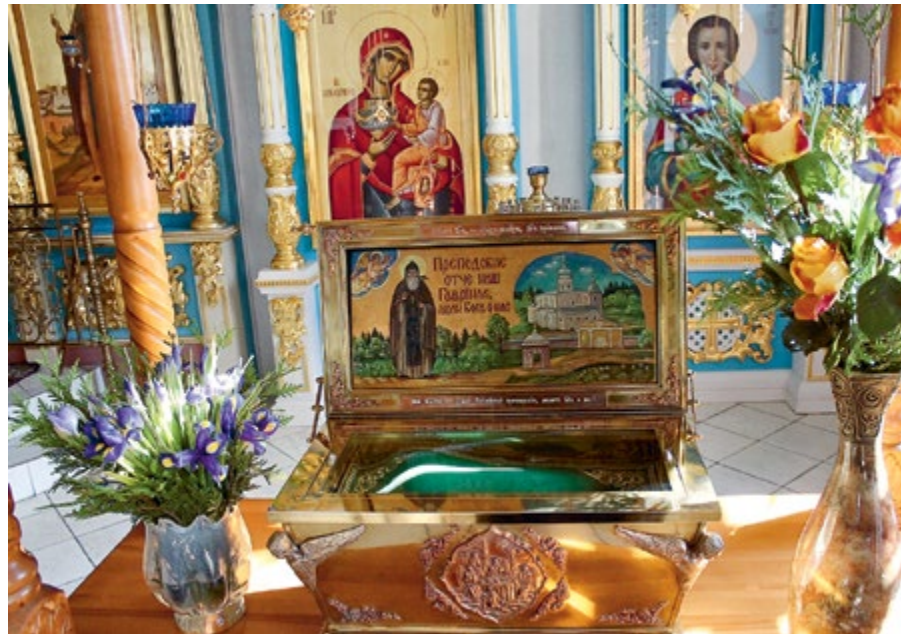

Икона Богородицы «Одигитрия Седмиезерная» была принесена на Казанскую землю из Великого Устюга подвижником Евфимием, устроившим себе келью в уединенном месте в 17 километрах от Казани в начале XVII века. Через некоторое время вокруг Евфимия собралось некоторое количество братии, и так возник мужской монастырь. Икона была очень почитаема среди окрестных жителей, на пожертвования которых скоро был построен Смоленский храм. Три раза в Казани вспыхивала эпидемия чумы (1654, 1656, 1771), и погасить ее удавалось только покаянными молитвам и крестным ходам с Седмиезерной иконой, которую приносили из монастыря. В период жительства отца Гавриила в обители братия часто совершала крестные ходы с Седмиезерной иконой. В настоящее время икона находится в Петропавловском кафедральном соборе города Казани. Празднование 9 июля, 10 августа, 26 октября⁴.

Спасо-Елеазарову пустынь. Этот монастырь только что организовал его духовный сын игумен Иувеналий (Масловский, священномученик, † 1937). Братия туда набиралась из Глинской пустыни. Обитель нуждалась в опытном духовнике. Годы в Елеазаровском монастыре стали расцветом старческого служения преподобного Гавриила (Зырянова). Теперь уже ничто не могло отвлекать старца от благодатной помощи людям, нуждающимся в духовном совете, утешении, исцелении души и тела, отвечать на письма духовных чад. И этот людской поток ограничивался только состоянием здоровья старца. Вместе с этим отец Гавриил неуклонно вычитывал положенные по Уставу Церкви службы, читал Священное Писание и творения святых отцов. Он воспитал достойных представителей духовенства, впоследствии пострадавших за веру. В частности, это уже упомянутый священномученик Иувеналий, священномученик Герман (Ряшенцев, † 1937), священномученик Петр (Зверев, † 1929), архиепископ Феодор (Поздеевский, † 1937), два биографа-старца — епископ Печерский Варнава (Беляев, † 1963) и архимандрит Симеон (Холмогоров, † 1937) и другие. В числе его духовных чад была и преподобномученица великая княгиня Елисавета Феодоровна (Романова, † 1918).

Возможно, в Елеазаровской обители старец и окончил бы свой земной путь, но Господь распорядился иначе. Война 1914 года и угроза немецкой оккупации заставили преподобного Гавриила покинуть гостеприимную пустынь и переселиться в Казань, где он и скончался 24 сентября 1915 года. Его похоронили в храме преподобного Евфимия Великого и святителя Тихона Задонского Седмиезерной пустыни. В 1928–1929 годах обитель была закрыта и разорена. Мощи святого старца удалось частично спасти от осквернения в советское время, и сейчас часть их пребывает в Седмиезерной пустыни, а другая часть — в церкви святого праведного Иоанна Кронштадтского в Казани.

В 1996 году Седмиезерная пустынь была возвращена Русской Православной Церкви и началось ее восстановление. Как рассказал

«Журналу Московской Патриархии» наместник обители архимандрит Герман (Кузьмин), в восстановленном храме преподобного Евфимия Великого идут богослужения, к нему пристроена колокольня и сделан новый иконостас. Руинированный Смоленский собор, разрушенный в советское время, законсервирован и ждет своих благодетелей. В монастыре пятнадцать насельников, шесть из них — монашествующие, помимо ежедневных богослужений читается Неусыпаемая Псалтирь. К сожалению, гостиница для паломников пока не восстановлена и возможно проживать только в Казани (от нее до пустыни 17 километров), а утром приехать на службу. В дни памяти старца Гавриила на службе бывает до 150–200 паломников, многие приезжают в Царские дни по дороге в Екатеринбург и Алапаевск. Есть список иконы Смоленской Божией Матери «Седмиезерная», с которой 9 июля из обители совершается крестный ход на местный источник, где прежде был храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», а сейчас стоит поклонный крест. Из разных епархий в монастырь часто приходят просьбы приобрести икону преподобного Гавриила с частицей его мощей, которые обитель старается выполнять.

Алексей РЕУТСКИЙ

Ковчег с частицей мощей преподобного Гавриила (Зырянова) в храме Рождества Божией Матери Елеазаровского женского монастыря

¹ Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елеазаровской пустыни: [Крат. жизнеописание] / Арх. Симеон. Псков: Электротипо-лит. Псков. губ. зем., 1915 (обл.1916). 126 с., 1 л. портр.

² Место установки креста — Свердловская обл., Слободо-Туринский р-н, Байкаловское благочиние.

³ Небесного покровителя схимонаха Евфимия, основателя Седмиезерной пустыни.

⁴ calendar.rop.ru